

Голубкова О. В. Локальная традиция погребального обряда славянского населения юга Западной Сибири в XVII—XX вв.: к вопросу о типологии / О. В. Голубкова, С. В. Будаева, Л. В. Крикау // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 131—143.

Golubkova, O. V., Budayeva, S. V., Krikau, L. V. (2017). Local Tradition of Burial Rite of Slavic Population of South of Western Siberia in 17th — 20th Centuries: on Problem of Typology. *Nauchnyy dialog*, 1: 131-143. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 393.05.951+908(571.1)“16/19”

Локальная традиция погребального обряда славянского населения юга Западной Сибири в XVII—XX вв.: к вопросу о типологии¹

© Голубкова Ольга Владимировна (2017), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), Olga-11100@yandex.ru.

© Будаева Светлана Владимировна (2017), директор, муниципальное бюджетное учреждение «Карасукский краеведческий музей» Новосибирской области (Карасук, Россия), museumkarasuk@mail.ru.

© Крикау Любовь Владимировна (2017), соискатель Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, главный хранитель, муниципальное бюджетное учреждение «Карасукский краеведческий музей» Новосибирской области (Карасук, Россия), lkrikau@mail.ru.

Данная работа стала продолжением исследований, посвященных обрядовым практикам русского и украинского населения на юге Западной Сибири. Уделяется внимание ритуалу передачи живой курицы через гроб в ходе погребального обряда. Сообщается, что высказанное ранее предположение о севернорусском происхождении ритуала подтверждается архивными источниками о появлении русских первопоселенцев в ряде сел Новосибирской области. Подчеркивается, что среди выходцев с Русского Севера были старообрядцы. Показано, что в ходе освоения русскими Барабинской и Кулундинской степей на юге Западной Сибири сформировался обширный ареал сел и деревень, объединенных родственными брачными связями и общими культурными традициями. Авторы доказывают, что включенные в этот ареал более поздние (начала XX века) украинские (преимущественно полтавские) и южнорусские переселенцы восприняли ритуал с курицей, обогатив им соб-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-54002 а(р) «Люди глубокой воды: народы и культуры Карасукского района НСО. Этнографический атлас».

ственные традиции. Отмечается, что в других (многочисленных) селениях сибирских украинцев за пределами данного ареала подобный обряд не был зафиксирован. Утверждается, что этот факт является еще одним аргументом в пользу предположения о севернорусском происхождении похоронного ритуала с курицей.

Ключевые слова: юг Западной Сибири; украинцы; сибирские старожилы; старообрядцы; Русский Север; традиционная культура; похоронная обрядность; черная курица.

1. Введение

Дохристианские погребальные практики, несмотря на свою древность, продолжали бытовать до конца XX века. Воспоминания о них, записанные со слов участников и свидетелей, еще живы и в XXI веке. Свидетельством тому может являться обряд передачи живой курицы во время похорон, который сохранился в культуре русских и украинских переселенцев на юге Западной Сибири.

Углубление в исследование региональной специфики позволяет раскрыть новые аспекты мифоритуальных практик и дает возможность реконструкции архаичных религиозных верований, что определило актуальность работы. Привлечение новых источников — архивных материалов и данных полевых этнографических исследований, а также их анализ и построенные на данной основе гипотезы — составили новизну работы.

2. Обрядовые манипуляции с курицей. Семантика образа

Во время полевых исследований в 2002 и 2004 годах в Новосибирской области (в селе Лянино, в деревне Барлакуль Здвинского района и в деревне Кукарка Карасукского района) был зафиксирован оригинальный материал, связанный с использованием курицы в похоронном обряде у русских и украинцев. Также было установлено, что подобный ритуал исполнялся и в других сопредельных населенных пунктах (в селе Светлое, в деревне Немки Здвинского района, в селе Лепокурово Баганского района, поселке Рямской, деревне Новопокровка Краснозерского района). Таким образом, существовал своеобразный ареал распространения обряда передачи живой курицы во время похорон в русских и украинских селениях на юге Западной Сибири — на границе Барабинской и Кулундинской степей [Голубкова, 2002, с. 551—555].

А именно: после выноса покойника из дома родственница умершего передавала через гроб живую курицу «старейшей старушке» или вдове, которая должна была молиться о душе усопшего: *Когда выносят покойника, с дома вынесут, ставят гроб на стулья. Гроб ещё открытый, крышка отдельно стоит. Хозяйка берет курицу и соседке или еще кому-то передает. Говорят, тогда ничё не будет* (ПМА. 2004: д. Кукарка, инф. — рус-

ская, 1923 г. р., родители из Брянской губ.); *Подают куря, чтобы покойник за собой из дома живность не увел* (ПМА, 2002: с. Лянино, инф. — русская, 1914 г. р., родилась в Курской губ.); *Чтобы не было никакого ущерба хозяину, чтоб на курице это все остановилось* (ПМА. 2004: д. Кукарка, инф. — украинка, 1927 г. р., родители из Полтавской губ.); *Мы возвращались с похорон и баба Таня Лысенчиха (1900—1976 гг. жизни), жили рядом в 1970 году, она рассказывала, что раньше, чтобы беды не было после похорон, через гроб покойника подавали курицу самой старой бабушке в деревне и та оставляла её у себя* (ПМА, 2016: г. Карасук, инф. — украинка, 1947 г. р.); *Наши, сколько себя помнят, жили здесь — в Кукарке. Да, тех правил уже не стало. Мама говорила, что курицу обязательно на всех похоронах передавали через гроб, чтобы покойник не загубил хозяйство* (ПМА, 2016: д. Кукарка, инф. — русская, 1910 г. р.).

Курице и петуху отводилось особое место в атрибутике в обрядности жизненного цикла у славянских и ряда других народов. Ритуальные действия с курицей во время похорон упоминаются в работах А. Н. Афанасьева [1865], А. Котляревского [1868], Д. К. Зеленина [1901—1913] и других исследователей. Подробно обряд передачи через гроб (могилу) курицы (или петуха — в зависимости от пола умершего [ср.: Афанасьев, 1865, с. 518—519]) был описан А. Котляревским в Саратовской губернии: «Когда опускают мертвеца в могилу, родственница покойного, поймав заранее в доме его петуха или курицу, передает его через могилу другой женщине, а потом его отдают нищему» [1868, с. 85]. Обычай давать курицу через гроб первому, кто зашел проститься с покойником, был известен в Прикамье [Куединские былички, 2004, с. 50]. По данным, ранее приведенным этнографами, жертвенная курица чаще всего становилась поминальным блюдом (или иной обрядовой трапезой, как, например, при исполнении вятского обряда *троецыплятницы* [Зеленин, 1994, с. 105—150; Покровский, 1981, с. 98—100]). Обрядовое закалывание петуха или курицы практиковалось при переходе в новый дом (как откупная жертва домашнему духу), в поминальные субботы, во время эпидемий и т. д. [Голубкова, 2009, с. 213—214].

В обнаруженном нами ритуале на юге Западной Сибири курицу не закалывали. Новая хозяйка выпускала ее в свой птичник, наблюдая за обретенной питомцей. Хорошим знаком считалась долгая жизнь и плодovitость поминальной куры. Старушка, получившая курицу через гроб, обязательно должна проводить покойного до кладбища. Иначе, как считали селяне, могло произойти несчастье: покойник «перетащит на тот свет» всю скотину или «уведет» кого-нибудь из семьи женщины, получившей дар и не оказавшей ему должного уважения. О подобном случае поведала жи-

тельница села Лянино: *На похоронах украинцы живут курицу через гроб передают. Дают надел покойнику, чтоб на том свете хозяйство велось. Одна (старушка) взяла куря и потащила сразу домой. А надо проводить (покойника на кладбище). И померла скоро* (ПМА, 2002: инф. — русская, 1912 г. р., родилась в Рязанской губ.).

Интересное сообщение, демонстрирующее представление о связи курицы и ее покойного хозяина, записано от жительницы деревни Барлакуль: *В Немках хоронили деда, который повесился (15—17 лет назад). Его дочь куру подавала, а я схватила у гроба. Пожила (курица) у меня три дня, да потом на заборе повесилась. Меж штафетин голова застряла, она и повисла. Пошла за хозяином. У меня теперь хозяйство не ведется. Курица, утка ли, сядут на яйца и цыплят придавят* (ПМА, 2002: украинка, 1929 г. р.; родители из Полтавской губ.). Таким образом, в представлениях участников обряда, курица воплощала витальную силу, которая могла быть как позитивной, так и негативной — в зависимости от статуса смерти хозяина («чистой» или «нечистой»).

Обряд с передачей курицы сознательно нарушал целый ряд канонических запретов. Прежде всего табуировалась передача чего-либо над телом умершего, особенно живых существ. Так, южные славяне считали, что умерший превратится в вампира, «если над телом покойника передадут какой-нибудь предмет или на него что-нибудь уронят, если через него перескочит животное или перелетит птица» [Славянская мифология ..., 2002, с. 60]. В Прикамье полагали, что «переходит колдовство по курице», которую передавали над гробом покойного колдуна [Куединские былички ..., 2004, с. 50, 72]. Таким образом, манипуляции с курицей расширяли рамки традиционной обрядовой сферы, включая формы ритуального антиповедения, связанного с культово-социальными нормами первобытных обществ. В данном обряде выражена идея замещения, откупной жертвы, где курица олицетворяла всю скотину как основу крестьянского хозяйства, достатка и богатства, а иногда — человеческой жизни. Более того, в представленном варианте обряда отражен не только «утилитарный» подход, связанный с хозяйством и бытом — как на этом, так и на *том свете*. Здесь еще присутствовал более древний, скрытый пласт представлений об орнитоморфной ипостаси души. Поминальная жертва курицей наиболее полно отражала разные стороны представлений о переходе в иной мир, о продолжении жизни на *том свете*, о зависимости благосостояния живых от воли умерших предков и о новом перерождении души [Голубкова, 2009, с. 226].

Анализ обряда позволил предположить, что его распространение было связано с присутствием среди переселенцев выходцев из севернорусских,

волго-вятских или приуральских областей [Голубкова, 2002, с. 551—555; 2009, с. 223—226]. Более глубокое изучение истории деревни Кукарка, села Лянино и сопредельных населенных пунктов позволило скорректировать эти выводы.

3. История заселения местности. Этнолокальные группы восточнославянского населения и демографическая обстановка

Изначально деревня Кукарка, названная по имени первого поселенца Кукарина, была русской. Коренными жителями в ней были семьи: Агеевы, Ядрешниковы, Живодеровы, Злобины, Метелевы, Завьяловы, Зобнины, Москвичевы, Крестьянниковы [ПМА, 2016]. В 1892 году в деревне насчитывалось 240 жителей [ГАТО, ф. 3, оп. 44, д. 3315, л. 26]. В соответствии с данными «Списка населенных мест Сибирского края», деревня Кукарка была образована в 1700 году [Список ..., 1928, Барабинский округ ..., с. 2—3]. Работа в архивах городов Тобольска и Барнаула позволила уточнить дату ее основания. Согласно обнаруженным документам, государственные крестьяне Тобольской губернии Тюкалинского округа Юдинской и Драгунской волостей — Егор Кукарин, Андрей Нестеров, Ефим Иванов с семьями — осенью 1825 года поселились на «пустопорожном месте» при озере Беляниха, находящемся в черте заводской Карасукской волости между деревнями Барлакульской и Овечкиной, на землях, принадлежащих Колывано-Воскресенскому Горному ведомству. При объезде этих земель смотрителем по сельскому управлению было открыто это самовольное заселение, о чем он доложил в своем рапорте начальству [ГБУТО ГО, ф. И329, оп. 1, д. 54, л. 1]. Поселенцы при себе не имели каких-либо документов, подтверждающих их законное переселение. «При сем приложен именной список и в оном заселенцами показаны из Юдинской волости Егор Дементьевич Кукарин с женой, детьми Иваном, женатым Григорием, Ивановыми сыновьями Михаилом, Матвеем, из Драгунской волости Андрей Нестеров с женой, детьми Филиппом, Матвеем, Ефим Иванов с женой и сыном Давыдом в общем мужского 10, женского 4 души» [ГБУТО ГО, ф. И329, оп. 1, д. 54, л. 2].

В переписке между канцелярией Колывано-Воскресенского Горного начальства, Тобольским губернским правлением, Тюкалинским земским судом шла речь о выдворении незаконных переселенцев; но указывалось также, что крестьяне «уже построили на тех местах дома, развели хлебопашество и скотоводство» и «желают поселиться по сближенно и удобности положения пустопорожном месте состоящему Тюкалинского округа Юдинской волости между дорогами Ключ(киной) и Ипатовой над озером Рямовым» [ГБУТО ГО, ф. И329, оп. 1, д. 54, л. 45 об].

К данному поселению присоединялись и другие крестьяне: «Начало мая месяца приехали к нему для водворения Томской губернии Каинского округа Устьсарашской волости деревни Мининой крестьянин Макар Сустанов. Товарищи занимаются распашкою земли, не имея, однако, никакого обзаводства приготавливают только еще место и желают быть перечисленными Тюкалинского округа Юдинской волости. ... Григорий, Иван, Федот Тычкины с товарищами всего в 30 душах мужского пола, которые также поделали земляные станы, рубят лес и начинают застраивать уже дома» [ГБУТО ГО, ф. И329, оп. 1, д. 54, л. 17].

На плане Тобольской губернии Тюкалинского округа Юдинской волости, датированном 1831 годом, уже значилась деревня Кукарина, лежавшая в черте заводского ведомства в Карасукской волости: «по последней ревизии насчитывается мужского пола душ в Кукариной 18, <...> жилых домов в Кукариной 7. <...> На сенокосных местах жители ежегодно приготавливают сена 2950 копен. В сих деревнях у крестьян скота: лошадей 40, рогатого 89, овец 116. Всего на каждую душу причитается: лошадей 2, рогатого 3, овец 4. В общем сего пространства имеются угодий коих в числе положенной десятинной пропорции будет достаточно пахотных земель на 182 души, а сенокосных мест на 54 души» [ГААК, ф. 50, оп. 2, д. 249].

В примечании к плану также сообщалось: «Деревни Кукарина и Белянина заселились назад тому 3 года, кои заселились при речке Баган по течению по правую сторону. 1-я заселилась с позволения Тобольской казенной палаты 12-ти душами, сверх сего еще в оной проживают из деревни Ипатовой 6 душ, но хотя от Тобольской палаты сей деревни заселиться позволено на пустом порожнем месте, однако не в ведения заводского округа, а на Тобольской губернии равно и Белянина без всякого позволения сей губернии заселилась 7 душах кои считаются по Юдинской волости в разных селениях» [ГААК, ф. 50, оп. 2, д. 249].

Из документов по поводу переселенцев следовало, что дело, начавшееся в 1828 году по поводу их выдворения, не было закончено. В рапорте Ордынского Земского управителя от 20 июня 1832 года говорилось, что все предписания Горного правления не были выполнены и крестьяне Кукарин и Тычкин «до сих пор остаются заводского ведомства из Карасукской волости в прежняя их жительства не высланными, хотя и были учинены со стороны Тобольского и Томского губернского начальства» [ГБУТО ГО, ф. И156, оп. 5, д. 303, л. 158].

История семьи Егора Дементьевича Кукарина до его поселения в Карасукской волости прослеживается и в документальных свидетельствах XVIII века. Известно, что он был жителем деревни Заливиной Бергамат-

ской волости Тарского уезда Тобольской губернии; имел «старообрядческое исповедание».

Поселение Заливино было основано старообрядцами в 1794 году на реке Таре [Памятники ..., 1989, с. 133]. В 1797 году до Тарского земского суда дошли сведения о том, что у жителя Заливино Егора Кукарина родился сын Иван и, за неимением в селении своего священника, он оставался некрещенным [ГБУТО ГО, ф. И156, оп. 5, д. 303, л. 5—8]. В 1825 году у Ивана, сына Егора Кукарина, были уже свои дети: сыновья Михаил и Матвей назывались в списке поселенцев при озере Белянихе [ГБУТО ГО, ф. И329, оп. 1, д. 54, л. 2].

Как показали исследования, фамилия *Кукарины*, а также подобные ей фамилии (с корнем *Кукар*) встречаются в списках выходцев из северных регионов России. Например, фамилия *Кукарины* упоминается при заселении Нижнего Причумышья в начале XVIII века потомками переселенцев с русского Севера, первоначально осевшими на Урале и юге нынешней Тюменской области, по рекам Тоболу и Ишиму [Казанцев, 1997, с. 71]. Кукаровцевы — тобольские старообрядцы, принимавшие участие в челвинской «гари», состоявшейся в 1684 году на р. Челве в Обвинском Поречье Соликамского уезда [Шашков, 1995, с. 138—139].

Слобода Кукарка Яранского уезда упоминалась Д. К. Зелениным; при этом он выделяет *кукар* среди прочего населения Вятской губернии, предполагая их древненовгородское происхождение. Имя *Кукары*, по мнению автора, связано с плотницким ремеслом и также подтверждает севернорусское происхождение данной группы [Зеленин, 1994, с. 70, 77, 86].

Первоначально деревня Кукарка была русской. В XX веке произошло существенное изменение этнического облика поселения. В 1900 году прибыл первый поток переселенцев из Лубенского уезда Полтавской губернии — 25 семей. Закрепились только 13: Карпенко, Сидоренко, Момот, Дорошенко, Бакал, Жебель, Резник, Чеверда, Глушко, Божко, Дудко, Рева, Рябич [ПМА, 2016]. Второй поток переселенцев из Хорольского уезда Полтавской губернии прибыл в Кукарку в 1908 году. Среди них были: Полонские, Олефир, Щербаненко, Рипенко, Кривошта, Бондус, Полтавченко, Заливчие, Ищенко, Кравченко, Зубко, Шишко, Козаренко, Близень, Чечель, Мигель [ПМА, 2016]. Таким образом, Кукарка стала деревней со смешанным населением, причем украинские новоселы по численности значительно преобладали над русскими старожилами. В 1911 году в деревне насчитывалось 138 дворов и 876 жителей [Список ..., 1911, с. 206—207]; в 1926 году — 210 дворов и 1103 жителей — главным образом украинцев [Список ..., 1928, Барабинский округ ..., с. 2—3].

Все вышесказанное дает основание утверждать, что первопоселенцы деревни Кукарина (Кукарка) были выходцами с Русского Севера. С большой долей вероятности можно утверждать, что именно они были носителями традиций, в том числе ритуала передачи через гроб курицы во время похорон. Среди поздних украинских и южнорусских переселенцев деревни Кукарка упоминаемый обряд изначально не практиковался, его переняли уже потомки «новоселов» у «старожилов» [Голубкова, 2009, с. 224].

Первое документальное упоминание о селе Лянино относится к 1813 году. Во второй половине XVIII века между двух озер — Северным и Полуденным — появилось небольшое поселение, которое дало начало селу. На основе данных 1868 года можно предполагать, что Лянино первоначально было Лялиным. С учетом этого допущения существуют две версии относительно названия. Согласно одной из них, село назвали по фамилии его основателя — купца Лялина. По другой версии, село Лянино было основано на рубеже XVII—XVIII веков поселенцами с реки Ляли (притока реки Сосьвы), о чем сохранились сведения в архиве краеведа Л. М. Парак. Первыми здесь поселились семьи Моториных, Кошелевых, Жердевых, Дохторовых, Светлаковых, Черепановых, Чичколенко. Переселенцы прочно закрепились на юге Барабинской степи, ассимилировав первых переселенцев.

Описываемые села находятся в пограничной зоне северной Кулунды и южной Барабы, в свое время они входили в административные границы Барабинского округа — Баклушевский р.; Славгородского округа — Краснозерский (Карасукский) р. и Карасукский (Чернокурьянский) р. Новосибирской области. Данная территория начала осваиваться русским населением ещё в XVIII веке. Украинские переселенцы изменили этнографическую обстановку: образовывая новые поселения с конца XIX века и пополняя уже имеющиеся русские, они создали доминирующее преимущество над старожилами, превратив этот степной ареал в один из «украинских» в Сибири.

Анализ итогов Всесоюзной переписи населения 1926 года показал следующие данные. По численности украинцев в Славгородском округе Сибирского края в числе лидеров Чернокурьянский р. (куда относились н.п. Кучугур, Лотошное № 773, 778 по округу) — 24 825 человек (58,5 %), русские составляли 30 % при общей численности по району 42 364 человек; и Карасукский р. — 18 671 человек (61 %) при общей численности по району 30 460 человек [Список..., 1928, с. 370; Коровушкин, 2007, с. 60]. В Барабинском округе концентрация украинцев ярко выражена в южной части территории округа, в т.ч. Баклушевском р. — 7885 человек (32 %)

(в это время к нему относились н.п. Барлакуль, Кукарка, Лянино, Немки № 6,12,16,26 по округу) при общей численности по району 24 128 человек [Список..., 1928, с. 2; Коровушкин, 2007, с. 59]. На протяжении всего XX и начала XXI веков северная часть Кулундинской степи и южная часть Барабы, где находятся Карасукский и Краснозерский районы, оставалась наиболее «украинской» среди других районов Новосибирской области. По состоянию на 1979 год среди «украинских» районов Новосибирской области исследователи выделяли только Карасукский район [Коровушкин, 2007, с. 178, 193].

По данным переписи 1939 года, здесь проживало 18 511 украинцев (43,2 %), в 1959 году — 8815 украинцев. В 1989 году в районе существовало 7 населенных пунктов с выраженным присутствием украинцев — всего 3210 чел. при общей численности населения района 50 548 чел. [Коровушкин, 2007, с. 150—154, 205]. По данным 2002 года численность украинцев в районе составила 2809 чел. при общей численности населения 48 548 [Всерос. перепись населения 2002 г.]. По переписи 2010 года в Карасукском районе проживало 46 262 чел.; наиболее многочисленным сообществом являлись русские. Украинцы (1633 чел.) проживали в 38 из 56 населенных пунктов [Всероссийская перепись населения 2010 г.]. Положение в Баганском районе характеризовали следующие показатели: в 1926 г.ле (в то время в Андреевском) проживало 20 147 чел.; в 43 % поселений преобладали украинцы, с которыми соседствовали русские, казахи и немцы [Список..., 1928, с. 328—330]. По данным на 2010 год, здесь проживали: русские — 14 409 чел. (86 %), немцы 1244 чел. (7,4 %), украинцы 244 чел. (1,5 %); для сравнения — в 2002 году было русских — 15 235 чел. (82,5 %), немцев — 1928 чел. (10,4 %), казахов — 501 чел. (2,7 %), украинцев — 438 чел. (2,4 %), белорусов — 56 чел. (0,3 %) и т. д. [Всероссийская..., 2010].

4. Заключение

Обряд, распространенный у русских и украинцев в ряде сел и деревень Новосибирской области (Барлакуль, Лянино, Немки Здвинского района; Лепокурово Баганского района; Кукарка, Кучугур Карасукского района; Лотошное, Коневе Краснозерского района), в других (многочисленных) селениях сибирских украинцев и русских «новоселов» не был зафиксирован. Таким образом, на южной окраине Здвинского и в северных частях Баганского, Карасукского, Краснозерского районов — на границе Барабинской и Кулундинской степей — был сформирован ареал распространения обряда.

Семантика ритуала связана с представлениями о курице как символе плодородия, витальной силы, восприятие курицы в качестве откупной жертвы, а вместе с тем — о проводнике и воплощении души.

Изначально участниками и хранителями обряда были потомки севернорусских и севернорусских переселенцев (старожилы), прослеживается также старообрядческий «след». Впоследствии данный ритуал стали практиковать потомки «новоселов» — южнорусских и украинских переселенцев начала XX века.

Таким образом, похоронный обряд передачи курицы через гроб с покойником, имеющий севернорусское происхождение, вошел в локальную традицию сибирских украинцев и южнорусских переселенцев в ряде поселков на юге Западной Сибири.

Источники и принятые сокращения

1. *Всероссийская перепись населения 2002 г.* [Электронный ресурс]: Режим доступа : <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
2. *Всероссийская перепись населения 2010 г.* [Электронный ресурс]: Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
3. ГААК — *Государственный архив Алтайского края.*
4. ГАТО — *Государственный архив Томской области.*
5. ГБУТО ГА (в Тобольске) — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».*
6. ПМА — *Полевые материалы авторов : материалы экспедиций ИАЭТ СО РАН 2002, 2004 гг. (сборы О. В. Голубковой); материалы МБУ «Карасукский краеведческий музей» 2016 г. (сборы С. В. Будаевой, Л. В. Крикау).*

Литература

1. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу : опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в трех томах / А. Н. Афанасьев. — Москва : Издательство К. Солдатенкова, 1865. — Т. 1. — 800 с.
2. *Голубкова О. В.* Душа и природа : этнокультурные традиции славян и финноугров / О. В. Голубкова ; РАН, Сибирское отделение, Институт археологии и этнографии. — Новосибирск : Издательство ИАЭТ СО РАН, 2009. — 302 с.
3. *Голубкова О. В.* Элемент похоронного обряда у русских и украинцев Южной Барабы / О. В. Голубкова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. — Новосибирск : Издательство ИАЭТ СО РАН, 2002. — Т. VIII. — С. 551—555.
4. *Зеленин Д. К.* Избранные труды : статьи по духовной культуре : 1901—1913 / Д. К. Зеленин. — Москва : Индрик, 1994. — 400 с.

5. *Казанцев В. И.* Социально-экономическая история Нижнего Чумыша в XVIII веке // *Нижнее Причумышье : очерки истории и культуры : материалы краевой научно-практической и методической конференции.* — Тальменка, 1997. — С. 67—74.

6. *Коровушкин Д. Г.* Украинцы в Западной Сибири : расселение и численность в конце XIX — начале XXI века / Д. Г. Коровушкин. — Новосибирск : Издательство ИАЭТ СО РАН, 2007. — 248 с.

7. *Котляревский А. А.* О погребальных обычаях языческих славян / А. А. Котляревский. — Москва : Типография К. А. Попова, 1868. — 308 с.

8. *Куединские былички* : мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX—XX вв. / сост. А. В. Черных. — Пермь : ПОНИЦАА, 2004. — 114 с.

9. *Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири* : сб. научных трудов / отв. ред. И. В. Асеев, Д. Я. Резун. — Новосибирск : Наука, 1989. — 192 с.

10. *Покровский Н. Н.* Документы XVIII в. об отношении Синода к народным календарным обрядам // *Советская этнография.* — 1981. — № 5. — С. 96—108.

11. *Славянская мифология* : энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. — 2-е изд. — Москва : Международные отношения, 2002. — 512 с.

12. *Список населенных мест Сибирского края* : в двух томах. Т. 1. Округа Юго-Западной Сибири / Сибирский Краевой Исполнительный Комитет. Статистический отдел. — Новосибирск, 1928. — 831 с.

13. *Список населенных мест Томской губернии на 1911 г.* / Томский Губернский Статистический Комитет. — Томск : Типография Губернского Управления, 1911. — 597 с.

14. *Шашков А. Т.* Старообрядческие самосожжения на Урале и в Сибири в XVII — начале XVIII вв. / А. Т. Шашков // *Сургут. Сибирь. Россия: международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию г. Сургута: доклады и сообщения.* — Екатеринбург, 1995. — С. 135—167.

Local Tradition of Burial Rite of Slavic Population of South of Western Siberia in 17th — 20th Centuries: on Problem of Typology

© *Golubkova Olga Vladimirovna (2017)*, PhD in History, senior research scientist, department of ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Olga-11100@yandex.ru.

© *Budayeva Svetlana Vladimirovna (2017)*, director, Karasuk Museum of Local Lore in Novosibirsk region (Karasuk, Russia), museumkarasuk@mail.ru.

© *Krikau Lyubov Vladimirovna (2017)*, degree seeker, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, head of conservation for museum, Karasuk Museum of Local Lore in Novosibirsk region (Karasuk, Russia), lkrikau@mail.ru.

This work continues the studies on the ritual practices of the Russian and Ukrainian population in the South of Western Siberia. It focuses on the ritual of transmission of living hen through the coffin during the funeral rite. It is reported that the earlier assumption about the Northern Russian origin of the ritual is confirmed by archival sources about the emergence of the Russian pioneers in a number of villages of the Novosibirsk region. It is emphasized that the old believers were among natives from the Russian North. It is shown that in the course of the development of Baraba and Kulunda steppe in the South of Western Siberia by Russians an extensive area of villages was formed, united by kinship marriage ties and cultural traditions. The authors argue that later (early 20th century) Ukrainian (mostly from Poltava) and the southern Russian immigrants, included in this area, took the ritual with a hen, enriching it with their own traditions. It is noted that in other (many) villages of the Siberian Ukrainians outside this area a similar ritual was not recorded. It is argued that this fact is another argument in favour of the assumption about the Northern Russian origin of the funeral ritual with a hen.

Key words: South of Western Siberia; Ukrainians; Siberian long-term residents; old believers; Russian North; traditional culture; funeral rites; black hen.

Material resources

- GAAK — *Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraia*. (In Russ.).
- GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti*. (In Russ.).
- GBUTO GA (Tobolsk) — *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti «Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske»*. (In Russ.).
- PMA — *Polevye materialy avtorov: materialy ekspeditsiy IAET SO RAN 2002, 2004. (sbory O. V. Golubkovoy); materialy MBU «Karasukskiy kraevedcheskiy muzey» 2016. (sbory S. V. Budaevoy, L. V. Krikau)*. (In Russ.).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002*. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>. (In Russ.).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (In Russ.).

References

- Afanasev, A. N. 1865. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov*. Moskva: Izdatelstvo K. Soldatenkova. 3/1. (In Russ.).
- Aseev, I. V., Rezun, D. Ya. (eds.). 1989. *Pamyatniki byta i khozyaystvennoye osvoeniye Sibiri: sb. nauchnykh trudov*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Golubkova, O. V. 2009. *Dusha i priroda: Etnokulturnyye traditsii slavyan i finno-ugrov*. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN. (In Russ.).
- Golubkova, O. V. 2002. Element pokhoronnogo obryada u russkikh i ukrainsev Yuzhnoy Baraby. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy: materialy Godovoy itogovoy sessii IAET SO RAN*. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN. VIII. 551—555. (In Russ.).
- Kazantsev, V. I. 1997. Sotsialno-ekonomicheskaya istoriya Nizhnego Chumysha v XVIII veke. In: *Nizhneye Prichumyshye: Ocherki istorii i kultury: ma-*

- terialy krayevoy nauchno-prakticheskoy i metodicheskoy konferentsii. Talmenka. 67—74. (In Russ.).*
- Korovushkin, D. G. 2007. *Ukraintsy v Zapadnoy Sibiri: Rasseleniye i chislennost v kontse XIX — nachale XXI veka*. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN. (In Russ.).
- Kotlyarevskiy, A. A. 1868. *O pogrebalnykh obychayakh yazycheskikh slavyan*. Moskva: Tipografiya K. A. Popova. (In Russ.).
- Kuedinskiye bylichki. *Mifologicheskkiye rasskazy russkikh Kuedinskogo rayona Permskoy oblasti v kontse XIX—XX vv.* 2004. Perm: PONITsAA. (In Russ.).
- Pokrovskiy, N. N. 1981. Dokumenty XVIII v. ob otnoshenii Sinoda k narodnym kalendarnym obryadam. *Sovetskaya etnografiya*, 5: 96—108. (In Russ.).
- Shashkov, A. T. 1995. Staroobryadcheskiye samosozhzheniya na Urale i v Sibiri v XVII — nachale XVIII. In: *Surgut. Sibir'. Rossiya: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 400-letiyu g. Surguta: doklady i soobshcheniya*. — Yekaterinburg. 135—167. (In Russ.).
- Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya. 1: Okrug Yugo-Zapadnoy Sibiri.* 1928. Novosibirsk. (In Russ.).
- Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1911 g.* 1911. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo Upravleniya. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (ed.). 2002. *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'*. 2-e izd. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russ.).
- Zelenin, D. K. 1994. *Izbrannyye trudy. Statyi po dukhovnoy kulture. 1901—1913*. Moskva: Indrik. (In Russ.).